

18+



МЕМУАРЫ НЕГЕЙШИ

Анастасия
РЫЧАГОВА

Анастасия Рычагова
Мемуары негейши

«Автор»

2022

Рычагова А.

Мемуары негейши / А. Рычагова — «Автор», 2022

Когда мне было 18, я не могла подумать, что встречу человека, который изменит мою жизнь, а я - его. Им оказался мужчина намного старше меня. Вместе нам предстояло пуститься в путешествия по родной стране. Изучить не только те места, до которых надо преодолеть тысячи километров, но и находящиеся под самым носом. Испытать странные, неведомые ранее, чувства. Погрузиться в историю древней России, а потом сделать её частью вечного - творчества.

Содержание

Судьбоносная разница	5
Прощай, рассудок	7
Исповедь вора	8
Сон в обители редактора	9
Я хочу знать твои тайны	11
Бог и кот	13
Если бы я была стеснительной	14
Репрессии «Аргументов недели»	15
Он, она и масоны	17
То, что я чувствую через тебя	19
То, что мне действительно нужно	21
Побег в столицу	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анастасия Рычагова

Мемуары негейши

Судьбоносная разница

Мне минуло 18. Я окончила первый курс факультета филологии и журналистики, тогда еще гордо именовавшегося ФФЖ, а не прижимисто ИФЖиМККом. Грешила тем, что прогуливала лекции, блуждая вместо этого меж старых лепных построек, переживших расцвет империи, ее крах, власть Советов, 90-е. А потом, как ни в чем не бывало, заявлялась на практические занятия, чтобы получить высокие баллы.

Не забывала кичиться тем, что впервые страстно поцеловалась в 9-м классе и тем, что впоследствии имела еще несколько любовных романов. Хотела работать в периодическом издании, вдыхая запах типографской бумаги. Желала увидеть своими глазами Красную площадь и понять, почему все так стремятся в столицу. Пыталась пробиться в олимпийский пресс-центр в Сочи, написав конкурсный очерк про местного паралимпийца.

Если бы меня спросили, как предельно кратко я бы могла себя описать, я бы уверенно привела три фразы из книги «Мемуары гейши»: «Мама меня сравнивала с водой. Вода всегда прокладывает себе путь даже сквозь камень. Оказавшись в западне, вода найдёт, куда просочиться».

Тем летом я и две мои сокурсницы начали проходить учебную практику в одной из газет. Я успела написать пару скучных текстов и репортаж, в котором исповедалась, как летала на параплане и приземлилась в терновый куст. Из зарослей, не без помощи топора, меня пытались достать добрый час. Я же в это время любовалась синим небом и радовалась, что колючка не выколола мне глаз.

Возможно, мои литературные опусы в подобном духе продолжились бы, но редактор, курировавшая нас, покинула пост. Так мы остались без места для практики. Дальше могла быть история о том, что я как ответственный человек взяла инициативу в свои руки. На самом деле, шёл октябрь, все сроки, которые можно было сорвать, уже были сорваны. Так что, спешить было некуда.

Но тут случилось самое страшное. Мне стало скучно. Оттого я принялась искать адреса периодических изданий для практики, ткнув пальцем в небо и выбрав «Аргументы и факты».

Топографический кретинизм, однако, сыграл злую шутку: здание, где усердно трудился штат газеты, я не нашла. Не сделать что-либо правильно даже с десятой попытки было для меня делом привычным и излюбленным. Поэтому я решила ещё раз поискать координаты «Аргументов и фактов» через интернет, и нашла вместо этого контакт редактора газеты «Аргументы недели».

«Разница всего в одно слово. Неплохо», – флегматично подумала я.

Ещё будучи ученицей старших классов, мне довелось покупать и читать эту газету, отмечая неплохую подачу материала. Я принялась размышлять, как бы написать редактору так, чтобы, если и выглядеть глупцом, то не полнейшим.

Через несколько дней я и еще две мои сокурсницы, мечтавшие покончить с практикой, пришли в офис, символично располагавшийся напротив здания, где давным-давно заседала редакция либеральной газеты «Приазовский край». Мне хватило нескольких минут понаблюдать за главредом издали, послушать его манеру беседы краем уха, чтобы решить: интеллигентный, с неплохим чувством юмора, абсолютно точно женатый человек, лет 33-35 на вид.

И вот наша троица уже сидела перед своим новым бородатым начальником. Оказалось, что нас готовы не только принять, но и платить. Мою подругу это поразило до глубины души.

Для меня стало некой точкой отсчета, после которой работать за «бесплатно» я, к сожалению некоторых руководителей, так и не научилась. Тут стоит сделать ремарку, что для многих редакций отсутствие практики платы практикантам скорее норма, чем исключение. Да и не только практикантам, если уж на то пошло.

В тот день Сергей Анатольевич спрашивал, какие темы нам интересны. Признаться, я не помню, что же такого сказала в ответ, что он поручил мне писать про бомжей.

Прощай, рассудок

День задался с самого начала. Одно из лиц без определенного места жительства решило, что я очень хочу его компании во время прогулки у реки. Размышляя о Сергее Анатольевиче, который знает толк в темах для юных практикантов, я, нервно озираясь, возвращалась в редакцию с собранным материалом для статьи.

Попутно переживала, что записала речь только руководителя центра, где временно живут бродяги, а самих бомжей – нет. Волновалась, однако же, не из-за того, что текст выйдет поверхностным, а потому, что перед начальником было стыдно.

Пройдя по оживленному офису, постучалась в кабинет, ожидая застать журналистов за усердной работой. Главреда не оказалось на рабочем месте. Внимательными голубыми глазами на меня смотрела красивая русоволосая девушка. Она сказала что-то такое меткое, отчего я решила, что журналистского опыта у нее будет побольше, чем у меня.

«А еще знает толк в работниках», – улыбнулась я про себя, будучи ценительницей женщин, сочетающих в себе естественную красоту и живой ум.

Как выяснилось позже, практически вся редакция газеты состояла из студентов. Из той категории молодых людей, кто уже в свои 20 имеет определенные амбиции, разбирается в повестке и владеет словом. Редактор же явно обладал даром направить всех их, умея стать, прежде всего, другом. Ну, например, не стал ругать меня за то, что нет комментария бомжа, порадовавшись тому, что есть хотя бы его фотография. Или водил пообедать за свой счет меня и прекрасную голубоглазую девушку. Принял в газету мой материал про паралимпийца (текст так и не победил в конкурсе для работы в олимпийском пресс-центре Сочи) и тактично умолчал о низком качестве материала.

– Я у вас уже и не для практики пишу, – бросила как-то я в личном разговоре, почувствовав, как краснею.

– А я тут не из-за денег работаю, – парировал в ответ он.

В какой-то момент Сергей Анатольевич упрекнул, что я «выкаю» по отношению к нему. В том меня обвиняли уже не первый раз мои многочисленные, возрастом постарше, знакомые. Общаться с Сергеем на «ты» оказалось просто: разницы в годах будто не было. Сказывалось и то, что я ощущала себя гораздо взрослее своих 18-ти: поведение сверстников часто казалось детским, а сами они порой – скучными.

Таких, как мой руководитель, напротив, было невероятно интересно слушать. Правда, иногда тяжело. Во-первых, международная политика на тот момент была вне поля моих интересов. Во-вторых, чувства немного затуманивали разум, даже у такого прагматичного и не самого романтического человека, как я.

Истинная потеря рассудка произошла, когда Сергей решил учить меня вёрстке. С компьютерными программами в моей жизни не ладилось с детства. А уж когда редактор наклонился над ухом и принялся вкрадчиво пояснять алгоритм, о понимании происходящего не могло быть и речи. Видимо, он решил, что будет проще, если положит свою руку сверху моей, чтобы водить мышкой в нужную сторону. Легче, как вы можете догадаться, не стало.

После неудавшегося урока вёрстки, вернувшись домой, я легла и принялась анализировать.

«Он щедр, идеен, привлекателен. Да, старше, но ведь тебе уже давно нравятся именно такие. Ты же пробовала встречаться со сверстниками, и это не твоё. Вот только свободен ли он? Да и интересую ли я его? Вокруг него полно и других стоящих девушек. И что скажут родители, если между нами завяжутся отношения? А их немалочисленный круг общения, частью которого являюсь и я?».

Исповедь вора

Осенние дождливые дни лениво сменяли друг друга, подобно вопросам в моей голове. В один из таких я направлялась в ту часть города, где никогда прежде не была. Район, о котором ходили слухи как об обители гопоты с семками и цитадели разбоя.

«Мало мне общения с бомжами...», – усмехалась про себя я.

Нет, я шла туда не для того, чтобы взять интервью у местного населения. В тот вечер мне не было страшно: я была настроена столь решительно, что уложила бы первого маргинала, попытавшегося преградить путь к цели. В одном из кирпичных домов легендарного Чкаловского микрорайона жил редактор.

«69...Инь и Янь. Тело и дух», – несколько секунд я смотрела на входную дверь, испытывая странное чувство от висящей на ней цифры – номера квартиры.

У журналистов «Аргументов Недели» было принято собираться в гостях у Сергея, чтобы вкусно поесть, спеть песни под гитару, обсудить свежие новости. В этой маленькой, скромной квартирке, на удивление, могла уместиться дюжина человек. Они входили в так называемое «Братство борща» – общество, основанное главредом и посвященное совместным встречам.

Возможно, в тот день вверх надо мной взяла моя любовь к борщу. Быть может, я решила отблагодарить за попытку научить такого бездаря, как я верстке. Как бы там не было, у нормальных людей в качестве знаков внимания принято дарить подарки, красиво одеваться и краситься, приглашать на свидания в интересные места. Я же решила в квартире мужчины, которого едва знала, ...помыть грязную печь.

Мне удалось узнать сразу несколько интересных вещей: Сергей старше, чем я думала; он не только журналист, но еще обладатель замечательного голоса, автор нескольких книг; умеет отлично готовить мясо. Последнее было, пожалуй, самым важным.

– Серёжа, а спой свою песню про птицу, – попросил кто-то из нашей многочисленной компании.

Он пел, закрыв глаза, на ощупь перебирая пальцами струны. За окном в лучах закатного солнца, проступившего сквозь тучи, горела ноябрьская листва. Я любовалась каждым пазлом этой картины, чувствуя себя той самой птицей из песни, которая «расправив крылья, летит». Только без перьев, конечно же: на парашюте. Вспоминала прадеда, который был летчиком.

Было удивительно легко на душе, хоть и немного грустно от мысли, что, возможно, Сергей никак не выделяет меня среди остальных. Нет, я не была плохого мнения о себе, но объективно понимала, что в отличие от многих своих знакомых не умела ни петь, ни танцевать, ни удивлять своими познаниями в науках и еще много «ни».

Когда большая часть людей разошлась, а я прилично напилась, мне захотелось произнести тост в виде своего стихотворения «Исповедь Вора». Я написала его ровно за год до нашего знакомства, по мотивам знаковой для меня книги.

«А знаешь. За любовь последний наш бокал!

Ты удивлен? Сей мир – от Вора,

Но даже здесь заглядывает к нам

Любовь из грязных закоулков в окна», – прочитав последнее четверостишие, я залпом выпила бокал красного вина, стараясь не глядеть на Сергея.

Той ночью, едва добравшись домой, я принялась читать его книгу «Загадки погибших цивилизаций». Перед глазами мелькали шумерские письмена на глиняных табличках, древние майя, египетские жрецы.

«Вот с кем на дальнейшее путешествие я бы точно согласилась», – такие бредовые мысли лезли сквозь сон в голову человека, который прежде совершенно не мог вообразить, как можно отправиться на долгое время куда-то с женщиной.

Сон в обители редактора

Наступил день, когда университетская команда, собранная мной, должна была принять участие в Школе оперативного корреспондента. Было глубоко за полночь. Спать за твёрдой партой оказалось невыносимым. Я вышла из факультетского здания на студенческую Поляну. Небо над ней было усыпано звездами.

«Интересно, что делает Серёжа?» – промелькнула мысль, когда над головой пронесся метеор.

Бессонная ночь, занятая редактированием и созданием текстов, дала о себе знать. В то утро я хотела лишь одного – выспаться. Я написала Сергею и пожаловалась на ремонт в своей квартире, который не даст сомкнуть глаз.

– Есть люди, которым я всегда рад. Как-то так вышло, что ты вошла в их число. Приходи, когда тебе заблагорассудится, – ответил он.

После этого предложения спать немного перехотелось.

Миновав университетскую Поляну, я прыгнула в автобус, ведущий из моей части города в его. Путь предстоял долгий. Стук сердца заглушал гул пытящего мотора. Мимо проносились пожирающие город высотные дома, трубы увядающих предприятий, шумные южные рынки. На коленях мелькали страницы «Мемуаров гейши» с декоративной книжной закладкой, которую я некогда сделала сама из крымских сухоцветов. На ней мелким шрифтом было написано несколько коротких строчек, которые гласили: «Кто ищет ветер, тот найдет бурю», «Кто сеет бурю, пожнёт ураган», «Не всегда ураган гасит искры, иногда он может превратить их в пожар», «Если ураган ведёт тебя к мести – одну могилу рой для себя». Фразы являлись предисловием к сборнику книг российского фантаста «Ветер и искры» – того самого, по мотивам которого я написала стихотворение «Исповедь Вора».

Постепенно автобус затягивало в мир стареньких частных домиков, усыпанных осенней листвой.

Чкаловский был залит полуденным солнцем и совсем не похож на тот район, который я увидела первый раз в пасмурный вечер. От него веяло уютом куда большим, чем от мест, где я прожила свои 18 лет: среди серых панельных пятиэтажек, крупных автомагистралей, оживленных скверов.

Сергей встретил меня у подъезда – не работал домофон.

– Все подушки тут старые, – озадаченно произнес он, когда мы поднялись в квартиру. – Но вот одну недавно прикупил, – с этими словами редактор достал маленькую синюю подушку с вышивкой в виде белоснежных лошадей и протянул мне.

Я бросила «Мемуары» на диван, занимавший половину комнаты, упала рядом и забылась. Через какое-то время очнулась то ли от жары (ноябрь в нашем городе в лучших традициях решил стать августом), то ли от того, что Сергей смотрел на меня.

– После парты этот диван – неземное ложе, – пошутила я.

– Я, когда из дома ушел, часто ночевал в редакции на стульях, – усмехнулся редактор, подавая большую тарелку своего фирменного блюда – курицу с баклажанами, начиненную специями.

Я, которой порядком надоело питаться дома пресным мясом, уплетала пищу за обе щеки. А, когда Сергей относил посуду на кухню, незаметно вытащила книжную закладку и положила вглубь дивана.

Вернувшись, Сергей предложил прогуляться. Мы минули двор и...

«Разве так бывает? Когда едва вышел за дверь, и тут же оказался в лесу», – я медленно, затаив дыхание, двигалась по тоннелю из деревьев.

По пути нам не встречалось прохожих, не было слышно пения птиц. Мир будто замер, оставив нас вдвоём. Он рассказывал о журналистской работе, куда мне только предстояло погрузиться в ближайшие годы, древних народах, о которых я последний раз читала в учебниках средней школы, горах Алтая, куда его однажды занесла судьба.

Мы попрощались у его дома, и я двинулась к остановке той же дорогой, которой добралась сюда. Пройдя несколько переулков мимо барачных построек, замерла. Обернулась. По коже пробежали мурашки.

«Я, конечно, тот еще топографический кретин, но готова поклясться: дорога совершенно не похожа на ту, которая была несколько часов назад», – я сверилась с картой в телефоне, которая убеждала в обратном, и ускорила шаг.

Я хочу знать твои тайны

Как-то, ближе к полуночи, я дочитывала мемуары. Мне было ужасно интересно, чем же закончится история Саюри – талантливой гейши и Председателя – мужчины, которого она полюбила еще, когда была маленькой девочкой. Я погружалась в мир... о нет! Вовсе не куртизанок, а женщин искусства, которые должны были улаживать взоры своих клиентов японскими танцами, уши – игрой на музыкальных инструментах, пением и интеллектуальными беседами, уста – чаем, изготовляемым и подающимся с особым мастерством.

Телефон клацнул: пришло сообщение от Сергея. Кажется, я находилась под очень сильным впечатлением от Страны восходящего солнца, отчего предложила своему собеседнику общаться при помощи хокку. Мы принялись обмениваться трехстишиями на японский лад.

«Ветви метят в стекла

Как и пристало ноябрьской ночью

Только в душе занялась уже весна», – начал он.

«Так случается, когда ветер

Ненароком сходится с искрами

В танце вечности», – продолжила я, надеясь, что он нашел книжную закладку и поймет, о чем речь.

«С искрами ветер играя

Пламя всё выше вздымает.

Пожар не минует», – последовало дальше, и мне показалось, что мое предположение подтвердилось.

«Быть ли дождю,

Который пламя потушит,

Или буре неожиданной».

«Тицетно лютуют зарницы.

Обманчив и гром,

Буря пройдет стороною».

«Тучи уступят обитель

Небу беспечному.

Так рождается новое».

Я пыталась понять, точно ли значат его метафоры то же, что и мои, или передо мной всего лишь поэтичная совокупность слов. Мне хотелось знать о редакторе всё больше и больше.

– Скинь мне свой твиттер. Я никак не зарегистрирована там, но люблю иногда читать твитты знакомых, – попросила я.

– Мой твиттер довольно откровенен. Было бы нечестно, если бы ты знала обо мне так много, а мне те же сферы твоей жизни будут недоступны.

Мы пожелали друг другу доброй ночи, и вдруг во мне проснулся детектив. Твиттер Сергея удалось найти. Он оказался закрытым. Я продолжила поиски. Они увенчались успехом: перед мной был аккаунт в «Живом журнале» – старой блог-платформе, которой никто из моих сверстников особо не пользовался.

Я принялась вчитываться в тексты, похожие на личные дневниковые записи. Многие были посвящены прошлым пассиям Сергея. Испытала ли я ревность? О, нет. Скорее... восхищение. Мужчина, который мог так смело, красиво говорить о своих чувствах, сразу вырастал в моих глазах. Наличие же опыта не отпугивало, а, напротив, завораживало.

«И всё-таки у него отличный вкус», – рассуждала я, изучая снимок худой, скуластой девушки, которой было посвящено немало заметок моего шефа. – А ведь я подхожу под типаж, который ему нравится. Правда, ему, кажется, больше симпатичны светлоглазые».

Помимо любовных историй в «ЖЖ» оказалось немало философских.

«Я выставил на балкон стул и выперся на балкон в майке, трениках и тапках на босу ногу. И долго наблюдал пейзаж за окном, потягивая виски Bell's с колой, и даже позволив себе сигареты Davidoff. Я наслаждался.

Кто был у меня, тот подтвердит, что вид из этого места ни капли не романтический и совсем не похож на фотографии, которыми полнятся странички соцсетей, в нём нет новизны, ибо я тут без малого два года его наблюдаю, в нём нет и эстетики, ибо какая эстетика может содержаться в индустриально-урбанистическом пейзаже Ростова. Самое главное, мне не с кем было его разделить, ибо обстоятельства не позволяли нам с человеком, которого я искренне уважаю и к которому испытываю сильную эмоциональную (и не только) привязанность, провести вечер вместе.

Тем не менее, мои эмоции били через край. Всё, заархивированное в памяти было извлечено и загружено в оперативку, и наложение эффекта было столь сильным, что уходить не хотелось, несмотря на то, что за окном всего +3», – гласила одна из его старых записей.

Суть поста была в том, что главное – быть в гармонии с самим собой, тогда удовольствие можно получить даже от мелочей.

Эти мысли были мне невероятно близки. Я захлопнула ноутбук и легла спать. Той ночью мне снился странный сон, в котором я оказалась в поместье незнакомца. Он не желал меня отпускать. Вокруг не было ни души. Вопреки здравому смыслу я была счастлива. Утром нехотя проснулась, продолжая ловить ускользающую негу. В очередной раз порадовалась тому, что учеба на нашем факультете начинается во второй половине дня. Времени разлеживаться не было: теперь мне предстояло писать о миграционном центре.

«Сначала бомжи. Теперь мигранты. Что же Сергей придумает дальше?» – с этими мыслями я выдвинулась в центр города.

Бог и кот

Слушать лекции о теории журналистики было невыносимо скучно. Я жаждала практики и недоумевала, почему ее так мало в университете. Стрелки часов, как назло, слишком медленно клонились к шести вечера. Краем глаза я наблюдала, как подруга рисовала в тетради героев аниме. Краем уха слушала разговоры юнцов, доносившиеся с задней парты.

Скоро нам с подругой, тоже писавшей для «Аргументов недели», предстояло ехать в гости к редактору. Так уж вышло, что из всей нашей редакционной компании мы добрались до него первыми. У Сергея, часами проводившего время за редактурой и версткой, в тот день болела спина.

– Она отлично делает массаж, – очень «тонко» намекнула я, кивнув в сторону подруги.

Так я впервые увидела Сергея без майки. А он – меня: порция крепкого массажа от подруги досталась обоим.

«Это случилось немного не так, как я себе представляла», – с иронией оценила я наш обнаженный «романтический» момент.

Пока не собралась наша тусовка, я улучила момент и начала изучать книги редактора, стоявшие на скромной полке. В глаза сразу бросилась потрепанная Библия. О том, что у Сергея особые отношения с религией, я поняла, еще когда прошерстила его «ЖЖ».

– Позаимствовал, как говорил Гекльберри Фин, – виновато проронил Серёжа. – Возможности вернуть в библиотеку так и не представилось. А теперь там уже другое государство.

Я хмыкнула, вспомнив одну из его записей:

«Совсем забыл третью мысль. Она о том, почему бог продекларировал, что нас любит, а на деле всё нет да нет.

Проиллюстрирую это на примере кота. Вообще, к котам я испытываю приязнь, даже симпатию. Можно сказать, что в этом ксеносмысле я их люблю. Я готов их бесплатно просто так иногда кормить, гладить и греть. Недавно на территории, где я обитаю, завёлся юный кот. Как водится, я отнёсся к нему априори дружелюбно. Кот наверняка уверился, что я его люблю.

Но однажды утром я обнаружил, что кот нагадил мне на туфли. Хотя стоит же песок. Ну чего ж ты гад в моей среде обитания срёшь, я ж тебе в миску этого не делаю!

Наказывать его бессмысленно, ибо наказание, отделённое от проступка значительным промежутком времени, для его примитивного сознания будет восприниматься как несправедливое и обидное. В своей кошачьей молитве он воззовет ко мне: доколе, господи, будешь неизвестно за что гнать и поносить меня...

Однако с тех пор мерзок стал этот кот для души моей, и не изливаю я на него свои обильные благословения. Пинаю, когда лезет ластиться и кормлю через силу.

Аналогия понятна? Вот так и Бог с нами. Мы ведь ему не то, что в туфли. В самую его божественную душу, причем непрерывно самозабвенно и радостно. Прошлый выводок он за это уже утопил... Что же будет с нашим?»

Пока я вспоминала этот отрывок, в квартиру пожаловал новый гость – один из самых взрослых журналистов нашей редакции. Началось моё любимое: интеллектуальная дискуссия между двумя, издавшими жизнь, мужчинами. У них были разные взгляды на политику, но их мудрость не позволяла перерастать спору в так называемый «срач».

В разговоре всплыл еще один, ранее неизвестный для меня, факт о Сергее. У него не было российского гражданства. Часть своей жизни он прожил на Донбассе.

Итак. Человек, с которым я хотела быть, оказался гораздо старше меня; верил в Бога, но как-то необычно; превосходно разбирался в истории и политике; был писателем и в завершение ко всему – гражданином другого государства.

Если бы я была стеснительной

Я соврала, что мы собираемся компанией друзей. А сама после пар поехала к Сергею. Нет, это было не свидание. Кажется, я просто сказала ему, что мне не хочется ехать в родительский дом. Тогда он предложил встретиться.

Темнело всё позже. Когда я зашла в квартиру редактора, уже спустились сумерки. Я наспех сбросила с себя черное драповое пальто, клетчатый берет, в который я любила прятать волосы, становясь похожей на художавого юношу.

Как обычно, замерзла. Он закрыл окно, заварил для меня мятный чай и включил «Мельницу» – одну из моих немногих любимых музыкальных групп. Пелось что-то о тысячелистнике, живой и мертвой воде, голубой траве, которая крушит железо и сталь. В квартире будто запахло высушенной степью, прелыми листьями и чем-то еще, совершенно неуловимым.

Он сидел на диване, я стояла возле, очень близко к нему и потирала холодные ладони. Сергей взял мои руки в свои: принялся греть закованную кожу, посмеиваясь, что я как хладнокровная змея.

Чувство дежавю. Змейкой мой дед в молодости называл свою жену – мою бабушку. Правда, за ярко-зеленые глаза и по мотивам сказок Бажова. Мой предок любил их, и сам был родом с Урала.

– Ссс, – шутиливо прошипела в ответ я, наблюдая, как Сергей дышит на мои руки.

– Змеи – очень древние существа, – редактор внимательно посмотрел на меня и продолжил. – Тот стих. Знаешь, ты с большим чувством читаешь. Чувствуется внутреннее напряжение, которому... нет адекватного выхода. Надеюсь, ты овладеешь собой и будешь меньше стесняться, – напомнил Сергей про вечер, когда я, напившись, рассказала «Исповедь Вора».

– Если бы я была стеснительной, я бы не была сейчас здесь, – вспыхнула я.

И наклонилась, прикоснувшись своими губами к его. Обычные поцелуи всегда казались мне... скучными. Я проследовала к его щекам, шее, чтобы вдыхать запах кожи. Тот самый неуловимый аромат, который я почувствовала в комнате, принадлежал ему.

– Ты пахнешь свежеспеченным хлебом. И чем-то сладким, хмельным, – выпалила я, чувствуя, как краснеют мои уши.

Он залиvisto рассмеялся, словно мальчишка.

– Правда? Ну, я не пил, честное слово. Кстати, твой запах всё еще на моей подушке. С того раза, когда ты пришла вздремнуть ко мне.

Мы стояли в темноте, обнявшись. Я уткнулась носом в его грудь и случайно коснулась губами креста. В тот день я впервые испытала странное, неведомое мне ранее чувство, для которого я до сих пор не нахожу слов. Может, их и нет в нашем русском языке, а может, и в других.

Телефон пронзительно заиграл. К тому, что мои родственники не умели звонить вовремя, я уже привыкла. Впрочем, кому я вру? К этому невозможно привыкнуть. Выслушав недовольную речь о том, где меня носят черти, я побежала собираться. Сергей подал мне пальто и поспешил со мной к автобусной остановке. Мне снова показалось, что я не была здесь раньше, среди барачных построек, стареньких лавочек и поросших бурьяном детских площадок.

«Ладно бы я была пьяна. Но что в прошлый раз, что в этот, я трезва. Отчего же тогда я не понимаю, где нахожусь, когда иду обратной дорогой?»

– Раз уж ты пахнешь хмелью, может, от тебя можно опьянеть? – игриво спросила я, не сказав Сергею о своих пространственных ощущениях, решив, что он посчитает меня чокнутой.

Репрессии «Аргументов недели»

Отношения отношениями, а работа в редакции «Аргументов недели Юг» продолжала кипеть. Перед каждым номером газеты Сергей создавал группу в соцсетях. И вот, в ноябре, надо было приступать к следующему выпуску. Тогда мой «суровый» редактор открыл чат «№ 46 и репрессии». Он обратился ко всем сочувствующим... то есть работающим со следующей речью:

– Господа! Товарищи! джентльмены и джентледи! В эту суровую для редакции минуту мы не можем далее терпеть то, что терпим. А именно, нарушение сроков сдачи материалов, несоблюдение требований к их оформлению, увядающую дисциплину и крепнущую безответственность!

Поэтому суд-тройка постановляет:

1. Кто не желает далее участвовать в работе редакции, и намерен появляться только эпизодически, тот может честно заявить об этом, и мы не будем более тревожить его покой, пусть занимается более важными делами, раз они у него есть. Мы не будем испытывать в его адрес ничего плохого, просто сэкономим время и нервы ему и себе.

2. Кто выбирает сопричастность коза ностра, тот должен облачиться в хламиду кроткого и самоотверженного служения, ибо ежели не готов он к службе на Стене в преддверии зимы, то характеристики и практики подписаны ему не будут.

К сему добавлю, что здесь нет ничего личного, и это, в общем-то, нормальная практика в изданиях, просто цена за открытость и демократичность начинает становиться лично для меня непосильной.

Имеющий уши да слышит.

Я, мирно попивающая какао дома, едва не поперхнулась, почитав обращение Сергея. Он обожал древние античные тексты и любил изъясняться на древнегреческий лад.

Иногда, когда молодое поколение совсем отбивались от рук, Сергей переходил к более серьёзным угрозам.

– Так просто возьмёшь и уедешь, не написав ни одного текста? Какой пример ты подаёшь подрастающему поколению? А ну как прокляну? Отрекись? Можешь оставаться в Европе. Ага-ага...

– Серееежа, я сплю.

– «Я всё сказал» (с).

– Немецкий братвурст растопит твое сердце).

– Серьёзно. Я тебя буду запинывать в самолёт назад, когда прибудешь.

– Хахаха. Я скажу австрийцам, что на родине мне пригрозили расправой!

– Можешь просить убежище.

В действительности, если отбросить шутки, газета придерживалась довольно либеральных взглядов, что не так часто встречается в журналистике. Список предложенных редактором тем был в духе «Русскую идею увезли в Майами» или «За кого будет графа против всех».

– Что думаете про поджоги машин? У кого есть в полиции знакомые, которые могут инфу слить? – вытягивал из нас признаки жизни Сергей.

– Давайте я с поджогами разберусь. Какая-то мутная история: с двойным, если не с тройным дном, – отвечал самый старший (после Сергея, конечно же) журналист в нашей команде.

– Поджоги, ложные заминирования, суета. Всё это напоминает создание тумана перед тем, как реально где-то жажнут... – развивал тему мой редактор.

И параллельно консультировал меня в личных сообщениях по моим темам. В том далёком ноябре, когда я захотела написать серьёзную аналитику о некачественных детских товарах в регионе, Сергей взялся тщательно разбирать мою задумку.

– Надо проанализировать социальные причины этого явления. Можно использовать советский опыт: почему тогда некачественной продукции было трудно прорваться на прилавки? Почему теперь производители идут на это, что их толкает? Почему тут не помогут запретительные меры и контроль?

В такие моменты я понимала, насколько пока узко мыслю, не умею докапываться до сути. И заодно осознавала, что под таким руководством уж точно однажды научусь.

Он, она и масоны

Первые прогулки с моим редактором проходили в основном на Чкаловском, втайне от родителей. Я всё ещё не могла поверить, что в моём городе есть район, где настолько много зелени. Здесь располагались как минимум четыре роци, плавно перетекающие друг в друга. Каждая из них была волшебна по-своему. Лесной массив, прилегающий к дому Сергея, граничил со школой. Мы наблюдали, как мальчишки и девчонки сбегались сюда поделиться своими секретами, скурить одну-две сигаретки, поворковать между собой.

Держась за руки, мы шли по аллее, скрывающей учебный корпус; обсуждали книги, которые я читала на тогдашнем втором курсе, а Сергей, давным-давно выпустившийся из университета, – лет эдак восемь назад.

– Пытаюсь понять вторую часть «Фауста». Гёте – чёртов гений.

– Всего лишь талантливый масон.

– Не веришь в гениальность?

– Да эти ребята варились в собственном соку в ложах и обменивались идеями. Это считай коллективное творчество.

– Но тогда, получается, всё есть коллективное творчество. Так как всё человек создает под влиянием непрерывного обмена идеями, мыслями, чувствами.

– Всё да не всё. В эпоху Возрождения и Новое время можно прям проследить творческие гнёзда, буквально пропихивавшие с помощью литературы и искусства некоторые идеи в общественное сознание.

Мои познания в масонстве оказались скудны и я, ловко перебравшись через взявшийся из ниоткуда овраг, сменила тему.

– В «Фаусте» есть момент, где Бог говорит, что люди созданы рабами божьими. Во время обсуждения книги наш преподаватель спросила, как мы считаем. В аудитории воцарилась тишина...

– А ты как думаешь?

– Я бы сказала, что не раб, а посланник. Если Бог есть, то я думаю, что это скорее некий свет, существующий в каждом человеке. Может, человек послан или создан приумножать его?

В ответ Сергей, взирая на верхушки серебристых сосен, рассказал вавилонский миф об Атрахасисе. Он начинался с описания незапамятных времен, когда ануннаки поделили мир между собой, а игиги вынуждены были копать реки и каналы, строить дворцы и обиталища. Так продолжалось много лет, пока однажды «трудяги» не возмутились. Они начали восстание, по факту которого верховный бог созвал совет. На нём было решено сотворить людей, чтобы на них возложить бремя тяжкого труда. Из крови убитого бога Ве-Ила, глины подземных вод и слюны игигов были созданы семь мужчин и ровно столько же женщин. Так боги стали свободны от тяжелых работ.

– Хитро-хитро. Вот лентяи. Я бы на их месте поступила также, – прокомментировала я, вертя в руках причудливый цветок физалиса. – А я вот думаю, что наша жизнь похожа на сраную шахматную партию неких могущественных там наверху... Уж не знаю, богов ли. И, мне кажется, что один из «играющих» за наш мир, отлучился... в сортир. По меркам могущественных существ это всего ничего, но у нас время течёт по-другому, для нашей Планеты прошло уже много лет. А, может, и столетий. Возможно, за время отсутствия этого игрока, фигуры даже подтасовали. И вот теперь наш мир в ***** заднице.

Как только я завершила свою речь, в беззвучной роце протяжно скрипнуло дерево, то ли соглашаясь со мной, то ли намекая, что у природы есть уши. Сергей рассмеялся:

– Вот ты выражаешься иногда! Как матрос в портовом кабаке.

Шутка про то, что я веду себя как «морячок», пошла не только от моих бесцеремонных фраз, но и из-за стиля походки «вразвалочку», а также способности икнуть в какой-нибудь романтический момент.

Впрочем, мне казалось, что Сергею даже нравится это моё сочетание утонченности, интереса к искусствам, наукам и... грубоватости.

«А если не нравится, меняться я не собираюсь», – фыркнула про себя я.

Редактор, в общем-то, тоже был из тех, кто не намерен менять свои жизненные установки. В этом мы были слишком похожи. Мы оба, вошедшие в наши отношения странными, но цельными людьми, не хотели меняться и не шибко старались исправить друг друга. Возможно, в этом и оказался секрет нашей лёгкой совместной жизни, который некоторые силились разгадать.

То, что я чувствую через тебя

Шёл декабрь. В городе успел выпасть первый снег, который быстро стал месивом из грязи и воды. Такая «зимняя» погода была нормальной для Ростова вот уже на протяжении многих лет.

Мои родственники всё ещё не знали о наших отношениях с Сергеем. Когда я оставалась у него на ночь, заверяла их, что мы ночуём тут всей нашей журналистской бандой после бурных тусовок.

Мы сидели вдвоём в редакции. Мой редактор сетовал на то, что накануне его чуть не закрыли на ночь в офисе.

– Было б забавно, если б нас всех случайно закрыли здесь, забыв про нас, – рассудила я.

– Ничего забавного. Твоя мама вызвала бы МЧС, спецназ и экстрасенсов, чтобы вызволять тебя.

– Всё ещё впереди. Это она будет делать, когда я без позволения уеду в Москву.

– Хм. Ты собираешь так бунтарски поступить?

– У меня есть возможность практически халявно пожить там неделю зимой благодаря приглашению знакомых. Я не собираюсь упускать такие возможности. Особенно, когда речь идет о том, чтобы увидеть нормальный снег, – ответила я, хитро прищурившись. – Я просила меня отпустить. Отказали. Так что...

Сергей в очередной раз заметил, что «хитрючесть повышена».

Ключевая фраза во всей этой истории с проживанием в Москве была «практически халявно». То есть, какие-то деньги всё же были нужны: на билеты, самые дешёвые продукты, музеи и проезд в метро. Просить у родителей я их по очевидной причине не могла, у Серёжи – не хотела. Гонораров, которые нам платили за тексты в «Аргументах Недели» не хватало, как и базовой стипендии.

Помимо этого, у меня были генеральские планы отправиться в Сочи в свой день рождения в начале весны. Об этом родители, конечно, тоже не знали. Я всё ещё злилась, что мой текст про спортсмена с ограниченными возможностями здоровья не победил в злосчастном конкурсе, который давал возможность поехать поработать журналистом в приморский город на время Паралимпиады.

Поэтому, когда бывший одноклассник начал собирать волонтерскую команду, чтобы поехать на это масштабное мероприятие от нашего университета, я не преминула воспользоваться и этой возможностью. Подала заявку и размышляла, где взять деньги ещё и на это.

В общем, предстоящими странствиями я грезила, но, тем не менее, как принято ныне пошло выражаться, «находилась в моменте». За месяц наших отношений Сергей уже успел показать мне несколько фильмов, от которых я оказалась в восторге. Прежде у меня мало с кем совпадали взгляды на кинематограф. Одна из кинолент называлась «Долина цветов» и рассказывала о разбойниках, чья жизнь изменилась с появлением темноволосой красавицы-колдуньи. Она весьма успешно повела путников к новым добычам, чем завоевала уважение банды, особенно – главного героя. Она его выбрала, он – конечно же, влюбился в нее.

Истории про колдуний я, ох как, любила. Хотя была человеком, сомневающимся в существовании сверхъестественных существ и способностей. Некоторые мои знакомые, тем временем, шутили, что я сама ведьма. Я же отделялась анекдотом «Сжечь ведьму!; – Но она же такая красивая!; – Хорошо... Но потом всё равно сжечь!».

И вот, в этот декабрьский день, Сергей включил «Последнее искушение Христа». По завершению редактор принялся пояснять задумку режиссера. За окном кабинета снова срысывался снег, я слушала мужчину, которым восхищалась, и постепенно начинала испытывать то самое чувство, возникшее, когда случайно коснулась его нательного креста.

Мне казалось, что я чувствую через него Бога. Наверное, это звучит нелепо. В свои 18 я училась не бояться выглядеть смешно. И всё же боялась. Поэтому о своих ощущениях в очередной раз промолчала. Лишь спросила:

– Ты знаешь, как переводится твоё имя?

Сергей не дал правильного ответа.

– Слуга Бога, – ответила я, выдержав паузу.

Через несколько дней мне на карту пришли порядка 20 тысяч – университет решил наградить меня за что-то. Этих денег хватало, чтобы отправиться в столицу.

То, что мне действительно нужно

До Нового года оставалось несколько часов. Мы встретились в историческом центре. Я, редактор и прекрасная голубоглазая девушка – та, с которой началось моё знакомство с редакцией «Аргументы Недели» в октябре. Выпили крепкого и двинулись по той части города, что именуется Солдатской слободой. Сердце Ростова оказалось пустым, будто замершим в ожидании чего-то страшного.

– Заперлись в своих квартирах и едят своё оливье заранее, – с напускным драматизмом причитала я, любуясь старыми домами, чей декаданс скрывала ночь.

Я и Сергей пришли к выводу, что люди теряют способность, желание веселиться, гулять большими компаниями. Возможно, чтобы показать, что уж мы-то в приключениях знаем толк, случайно спалили небесный фонарик.

Наша подруга надела его остатки на себя и принялась кружиться по смотровой площадке, с которой открывался вид на безмятежный, живущий своей неведомой жизнью Дон. Новый наряд прекрасная голубоглазая девушка назвала «разочаровашки».

Нахохотавшись вдоволь, мы поймали такси и втроем отправились в родительский дом. Мои спутники прошли в нашу гостиную, а меня вызвала на разговор бабушка. Она строго посмотрела своими ярко-зелеными глазами и тихо молвила:

– Настя. Не смей.

Я сразу поняла, о чём она.

– Всё в порядке. Мы просто друзья, – заверила я, глядя на нее своими глазами цвета охры. Она промолчала.

Бабушка воспитала меня. Я росла болезненным ребёнком. Чтобы сидеть со мной, она оставила работу. Бабушка была одним из немногих людей, которых я безмерно уважала. Есть женщины, которые сочетают в себе утонченную красоту, ум, манеры, лёгкость, долг, любовь – всё самое лучшее. Она была именно такой. Оттого мне бы очень хотелось сказать ей правду. Только вот я знала, что она не примет её.

Опытным путём ещё в детстве я установила: большинству людей легче услышать ложь. Даже если им кажется, что они готовы к правде. И я снова соврала. Я умела врать другим, и одновременно быть честной с собой.

Один мой знакомый как-то сказал: «Не всегда то, чего вы хотите – то, что вам действительно нужно». В свои 18 я отчётливо знала, что не просто хочу быть с Сергеем. Я понимала, что это то, что мне действительно нужно. В ответ мне могли бы сказать: «Да ты просто безоглядно влюбилась».

Есть девушки, которые по природе своей не умеют безоглядно влюбляться. Существуют те, кто *делают свой выбор*, руководствуясь тысячей деталей, которые они проанализировали и прочувствовали.

Быть может, есть чувства глубже страсти, больше, чем желание обладать и принадлежать, сильнее, чем пресловутая жертвенность.

Есть люди, которые знают, что в этой жизни им *ничего и никто не принадлежит*.

Из чего же исходят такие жители планеты Земля? Я не могу говорить за всех. Что до меня, так я понимала: он может дать мне то, что никто другой не даст; я также могу дать ему то, что ему не даст никакая другая женщина. Что именно? Я не знала. И не заглядывала в будущее: не строила планов о путешествиях, свадьбе, доме, детях. Я просто сделала выбор: быть с ним и не собиралась отказываться от своего решения.

Мы сели за праздничный стол. Пожалуй, единственным, что объединяло моих родственников и Сергея, было умение щедро угощать гостей. Они оказались совершенно разными людьми. Но, кажется, редактор мог найти общий язык абсолютно с любым человеком. И вот

уже через несколько минут они обсуждали российскую эстраду, в которой Сергей отлично разбирался, хотя ценил совершенно другие музыкальные направления.

Я и прекрасная голубоглазая девушка больше молчали и поглощали пищу.

Когда куранты пробили полночь, а тарелки с яствами были знатно подчищены, мы собрались выходить из-за стола.

– Спасибо! Всё было очень скучно! – поблагодарила наша подруга и запнулась. – Ой... я хотела сказать очень вкусно! – она зарделась, оговорившись из-за разморивших тепла и сытости.

Все от души рассмеялись. Было, действительно, очень вкусно. Впрочем, кому как, а мне про российскую эстраду было скучно слушать. Мы двинулись дальше по улицам моего района, минуя его одиноких напившихся обитателей. Навестили друзей прекрасной голубоглазой девушки. Дальше всё было как в тумане. Помню лишь ощущение, что с миром должно произойти нечто странное.

Побег в столицу

Близился «час икс». День моего побега в Москву. Посмотреть столицу я планировала вместо подготовки к сессии, выбрав удачный период, когда в университете не было пар. Сергей помог купить мне билеты: я никогда сама раньше этого не делала. Дорожная сумка была подготовлена и тщательно припрятана в шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.